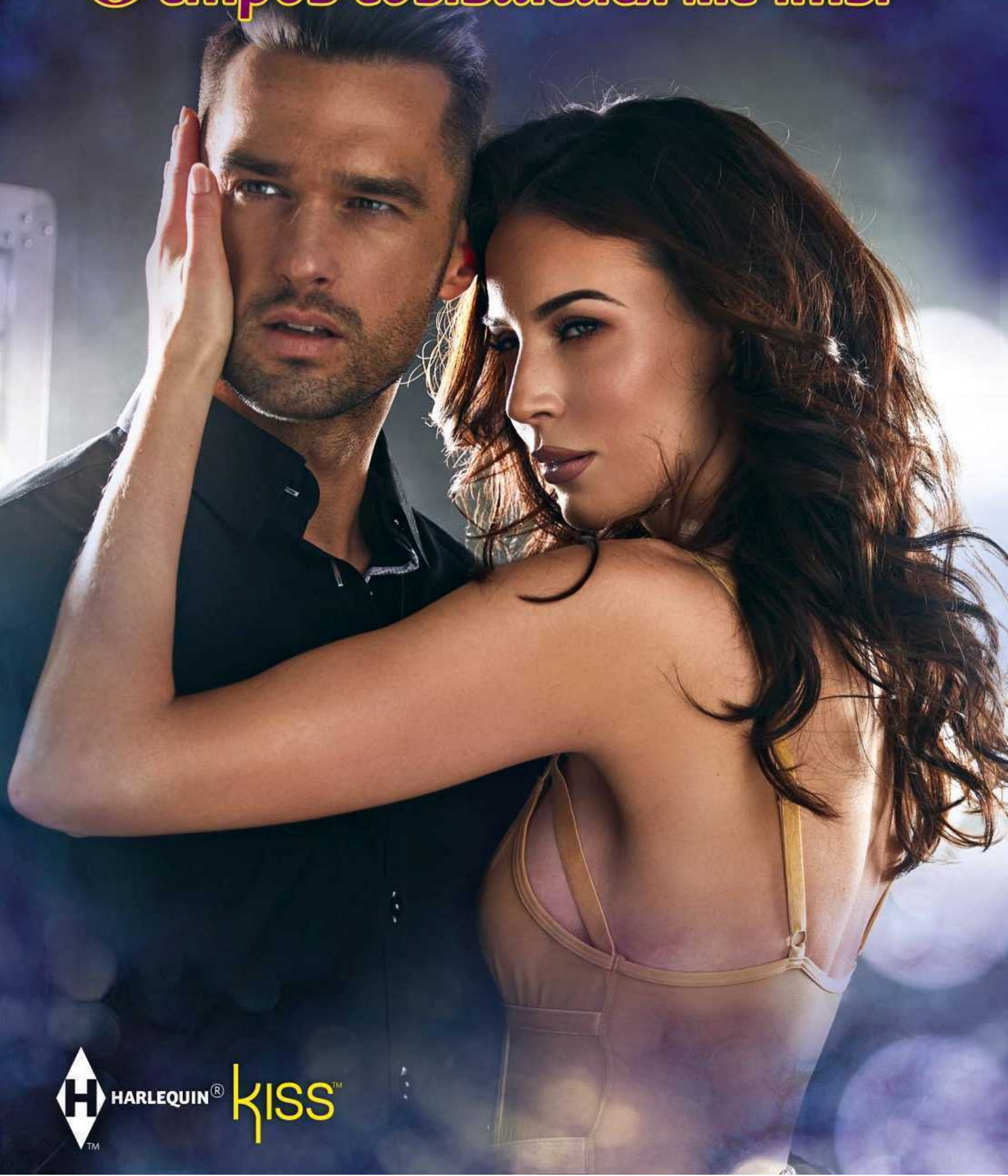

КЭТРИН МАНН

Остров сбывшейся мечты

HARLEQUIN®

KISS™

Поцелуй – Harlequin

Кэтрин Манн

Остров сбывшейся мечты

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Манн К.

Остров сбывшейся мечты / К. Манн — «Центрполиграф»,
2016 — (Поцелуй – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08974-8

Больше года назад Ксандер Лурдес овдовел. Теперь мир ограничился для него работой во благо заповедника, которым очень дорожила его покойная жена, и заботой о дочке. И если в заповеднике все идет хорошо, то дочери он может лишиться. Тесть и теща Лурдеса, люди состоятельные и с большими связями, стремятся оформить опеку над внучкой. Разлука с любимой маленькой Роуз невозможна для Ксандера. И он предлагает зоологу заповедника, ирландке Морин Берг, заключить формальный союз. Таким образом, Ксандер, имея полную семью, сумеет воспитывать дочку, а Морин, у которой вскоре заканчивается виза, останется в США. Морин соглашается на сделку. Но чем больше времени проводит она рядом с Ксандером, тем больше задумывается, сумеет ли пережить фиктивный брак с человеком, который безвозвратно завладел ее сердцем...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08974-8

© Манн К., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Кэтрин Манн
Остров сбывшейся мечты
Роман

Catherine Mann

The Boss's Baby Arrangement

The Boss's Baby Arrangement Copyright © 2016 by Catherine Mann

«Остров сбывшейся мечты» © «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

*Посвящается Жанетт Виглиотти, талантливому профессору и
дорогой подруге. Мы очень счастливы, что ты стала частью нашей
семьи!*

Глава 1

Ксандер Лурдес всей душой любил свою жену, но год назад она умерла от аневризмы. В глубине души он знал, что никогда больше не обретет счастья.

Пытаясь излечиться от душевной боли, он искал утешения в том, чтобы хранить и чтить ее память всеми возможными способами. Ксандер с нежностью и заботой воспитывал маленькую дочь. Он истово занимался возрождением любимого его женой заповедника дикой природы в уникальной местности Флорида-Кис. Лурдес вложил половину своего капитала в восстановление этого места, ему даже пришлось стать руководителем. В итоге он преуспел и в этом.

Он не любил вечеринки и приемы, направленные на сбор средств, такие как, например, сегодня, и предпочел бы провести вечер со своей дочерью Роуз. А все эти общественные мероприятия только действовали ему на нервы. Он вспомнил о том, как легко и непринужденно его жена справлялась с подобными обязанностями.

Однако в память о своей супруге он был вынужден вытерпеть и сегодняшней светский прием под открытым небом. Устроившись в шезлонге на берегу залива, Ксандерпил прохладный тоник, вполуха слушая, как возле него некий государственный служащий, входящий в политические круги, рассказывает о своем домашнем попугае. Светские разговоры никогда не были сильной стороной Ксандера.

Роскошное благотворительное мероприятие, устроенное на свежем воздухе, шло своим чередом, а волны по-прежнему безмятежно разбивались о берег, костер мирно и уютно потрескивал. Огненные языки факелов мерцали и взмывали к бархатному небу, усыпанному звездами, словно танцуют под звонкие переливы стальных барабанов. Мерный свист ветра, доносившийся с топей поодаль, шелест высоких трав и шорох проворных ночных созданий сами по себе сливались в единый сумеречный ансамбль.

Длинный фуршетный стол ломился от яств, в баре предлагались отменные напитки. Официанты ловко сновали в толпе гостей, ведущих оживленные разговоры, танцующих босиком на прохладном песке: женщин – в шелках и бриллиантах, сверкающих в лунном свете; мужчин в дорогих смокингах. Брат Ксандера, главный ветеринарный врач, и его умопомрачительно соблазнительная помощница тоже танцевали. Эта рыжеволосая девушка, работавшая у них зоологом, принадлежала как раз к тому типу людей, которые украшают своим весельем приемы и вечеринки.

Жена Ксандера, Терри, не была большим любителем танцев, но обожала музыку. Когда они узнали, что она беременна, ее первым желанием было установить стереосистему, чтобы их будущий ребенок уже в утробе мог слышать классическую музыку. Она искренне верила, что музыка меняет жизнь человека, помогая выразить чувства и переживания, способствует оздоровлению психики любого живого существа. Поэтому она стала создавать специальные подборки мелодий и использовать их в заповеднике, чтобы успокаивать животных. Терри служила ему поддержкой с тех пор, как они познакомились, еще в первом классе, когда Ксандера признали не таким, как все, за то, что он опережал всех на три класса.

Они были неразлучны с того дня, как он впервые подошел к ней на игровой площадке. Теперь, когда ее не стало, он скучал по ней каждый день, каждую минуту.

Он кивнул в ответ на рассуждения все того же политика о расширении отделения для птиц в клинике при заповеднике. Ксандер отложил эту информацию к размышлению, чтобы вернуться к ней позже.

Он думал о своей жене: ее работа волонтером в этом месте значила для нее очень много. Когда Истон, брат Ксандера, стал заниматься заповедником, Терри сначала просто заинтересовалась им, а вскоре с головой ушла в это дело, основывая новые благотворительные фонды,

чтобы открыть как можно больше каналов для поступления средств на восстановление этого уголка природы.

Его брат Истон обеспечивал ветеринарную помощь экзотическим животным. Он работал здесь еще в юности, проявляя искреннюю заботу о подопечных. Ксандер был избран председателем совета директоров. Терри очень хотела, чтобы он занял эту должность, но это произошло уже после ее смерти.

Ксандер резко поднялся с шезлонга.

– Я чрезвычайно ценю, что вы нашли время на этот разговор и на визит к нам. Но теперь, если вы позволите, я вернусь к делам. Однако мой брат определенно будет рад обсудить с вами все эти возможные дополнения и усовершенствования для нашей клиники. Я найду Истона на площадке для танцев и пришлю его к вам.

Ксандер отправился за братом, который все еще танцевал с рыжеволосой девушкой. Проталкиваясь между гостями, он наконец добрался до брата и похлопал его по плечу:

– Не против, если я вас прерву, братец?

Истон тотчас повернулся к брату.

– Что случилось?

На Истоне был костюм от Прада, который по настоянию Ксандера был доставлен специально к сегодняшнему торжественному мероприятию, однако надеть галстук его брат не удостоился. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Доктор Истон Лурдес всегда чувствовал себя гораздо комфортнее в рабочих брюках и футболке.

Ксандер кивнул в сторону политика, который все еще продолжал налегать на коктейли.

– По правую сторону – потенциальный спонсор. Требуется твоя консультация по поводу дополнительных вольеров для птиц в клинике.

Истон просиял полной очарования улыбкой.

– Будет сделано. – Он тоже похлопал Ксандера по плечу. – Еще раз спасибо за эту роскошную вечеринку. Она непременно окупит себя и принесет немалую пользу нашему заповеднику.

Истон удалился с решительностью бойца, выполняющего приказ, оставив в одиночестве свою партнершу по танцам.

Морин Берк.

Сногсшибательная рыжеволосая красавица, остроумная и энергичная, она родилась в Ирландии, но большую часть жизни провела в Штатах, и ее акцент был едва заметен. Ученая степень в области зоологии, а также большой опыт работы в службе спасения животных делали ее идеальным претендентом на должность заместителя его брата. К счастью для них, ей удалось получить свою рабочую визу как раз вовремя. Морин была не только открытой и общительной, но и обладала отличными деловыми качествами. Ксандер был уверен: эту женщину не привлекала возможность воспользоваться состоянием, передававшимся из поколения в поколение семье Лурдес. А список алчных женщин был велик, и все они стремились добиться свидания с Истоном.

Ксандер выяснил, что Морин разведена, а по ее отстраненной манере держаться, которую она прикрывала приветливой улыбкой, он заключил, что пережитый ею разрыв был не из приятных. Вне всякого сомнения, ее муж был полным идиотом, если позволил столь роскошной, тонкой, умной женщине уйти из его жизни.

Ксандер протянул ей руку.

– Прошу прощения, что украл вашего партнера по танцу. Мне просто необходимо было избавиться от брата. Потанцуйте со мной.

– С вами? – Она грациозно откинула вьющиеся волосы за плечо.

– Вас удивила моя просьба?

– Просто я никак не думала, что вы умеете танцевать, и уж совсем не ожидала, что умеете танцевать ирландскую джигу.

– Как вы сказали, ирландскую джигу?

Она озорно улыбнулась, указав на сцену взмахом изящной руки, так что его взгляд упал на ее длинные пальцы и ногти, коротко остриженные, но аккуратно покрытые блестящим золотистым лаком, вероятно, по случаю этого вечера.

– Да, именно она значится следующим пунктом в списке заказанных оркестру мелодий. Ваш брат бросил мне вызов.

Ксандера не удивило, что Истон покинул танцевальную площадку с такой готовностью, да еще и с ехидной ухмылкой на лице. Он определенно подставил брата.

– Что ж, у меня много талантов. Например, наша мама настаивала, чтобы мы, еще будучи подростками, посещали уроки танцев. – Он расправил плечи. – Ну а тому, чего я не умею, научите меня вы.

– Ваша мама молодец.

– Так как насчет этого танца?

Она подбоченилась, изучающе глядя на него изумрудно-зелеными глазами, и наконец пожала плечами.

– Конечно. Почему бы и нет? Я бы с удовольствием посмотрела, как наш дорогой босс попробует его исполнить.

– Но не забудьте, вам придется помочь мне изучить некоторые движения.

– Не беспокойтесь, мы начнем с самых простых шагов. – Она подставила ему локоть. – Ирландские мелодии в исполнении стальных барабанов – не слишком замысловатые, но веселые и задорные.

Ксандер поклонился, прежде чем взять ее под руку, как того требовал танец. Он усердно повторял за ней шаги, чередовавшиеся с вращениями, тщательно имитируя каждое ее движение. Танец, казалось, никогда не закончится. Его пульс становился все чаще, давление возрастало с каждой секундой, но тут оркестр плавно перешел к более спокойной мелодии.

Однако он не отстранился от нее, а привлек к себе, предвкушая уже более традиционный танец. Он отчаянно пытался найти тему для разговора, чтобы отвлечься от нежной податливости ее тела в его руках, от случайных, едва ощутимых соприкосновений.

– Я рад, что вам здесь нравится.

– Мне нравится все, что в итоге приносит деньги нашему заповеднику. – Ее глаза сияли, казалось отражая свет звезд, красивые локоны то и дело пролетали прямо у его руки, державшей ее за талию. – Я люблю свою работу.

– Ваша искренняя преданность вызывает восхищение.

– Благодарю вас, – ответила она, но лицо ее выражало нерешительность.

– Вы мне не верите?

– Нет, дело не в этом. Впрочем, давайте не будем говорить сейчас о работе, чтобы не портить момент. Мы сможем обсудить все завтра. – Она прикусила нижнюю губу. – У меня назначена с вами рабочая встреча.

– Неужели? Что-то я не припомню, чтобы видел ваше имя в своем календаре встреч.

– Видите ли, не у всех нас есть личный помощник, чтобы следить за расписанием.

– Я должен быть уязвлен? – У него действительно был секретарь, однако, в отличие от брата, он не имел личного помощника, который бы следовал за ним повсюду весь день напролет.

– Нет, я вовсе не хотела вас обидеть. Совершенно очевидно, что вы не бездумно пользуетесь состоянием своей семьи, но преумножаете его. – Она покачала головой. – Я просто немного не в настроении. Не обращайтесь на меня внимания. Танцуйте.

Едва она произнесла это повелительным тоном, как оркестр заиграл знойные латинские ритмы.

Морин Берк самозабвенно отдалась танцу.

Казалось, она существовала только в этом моменте времени, стараясь вторить каждому движению и шагу этого стройного, крепко сложенного мужчины, с бездонными голубыми глазами и харизматичным взглядом, источавшего уверенность и невероятную сексуальную притягательность.

Острый ум. Яркая индивидуальность, великолепное тело и преданная любовь к семье. Ксандер Лурдес был хорошим человеком и необыкновенным мужчиной. Но он не был ее мужчиной. Только босс, не более того. А потому Морин позволила себе танцевать с таким самозабвением, на которое ни за что не осмелилась бы в другой ситуации.

Морин вдохнула солоноватый воздух, к которому примешивался теплый аромат поле-ньев, потрескивавших в костре. Она самозабвенно танцевала, пытаясь заглушить горькую обиду оттого, что ее оставили без основательной причины, просто она чем-то не устроила своего бывшего супруга. И это после того, как она со всем мирилась и терпела. А ведь ее многие убеждали уйти от него, избавиться от бесконечного эмоционального унижения с его стороны.

Морин осознавала, что между ними существуют проблемы, но всегда с готовностью старалась решить их. Клятвы не были для нее пустым звуком. Она всегда полагала, что причиной развода может стать лишь нечто по-настоящему серьезное: например, физическое насилие или наркотики. А причиной стало его заявление: «Я люблю тебя, но жить с тобой не могу».

И она отпустила его, покинула дом, полный обид, оскорблений и уныния. Ей нужно было уехать из графства Корк, на юге Ирландии, чтобы быть как можно дальше от этого человека и всей той боли, что она пережила с ним. Ее ничто не держало здесь: родителей не было в живых, а замужество обернулось полным провалом. Она отправилась в Соединенные Штаты Америки, где ей предстояло принять предложение работать в той сфере, которую она так любила.

Между тем уже совсем скоро подходил к концу срок действия ее рабочей визы. А официальные органы по-прежнему отвечали отказом на все запросы о продлении. Это означало, что ей придется вернуться домой. И снова встретиться лицом к лицу со всем, от чего она так стремилась убежать и обрести свободу.

Свободу танцевать с красивым мужчиной и не опасаться того, что муж обвинит ее в том, что она флиртует. Сколько же времени потребовалось ей, чтобы осознать: причина его подозрительности и едких замечаний – неуверенность в самом себе!

Теперь она могла, не опасаясь гнева мужа, смотреть на любого мужчину, например на этого широкоплечего и красивого, с угольно-черными волосами. По ее телу пробежала мелкая дрожь, ее и прежде влекло к Лурдесу, но его горе, о котором было всем слишком хорошо известно, не позволяло ей пытаться сблизиться с ним. А теперь, когда ее возвращение домой становилось все более реальным, Морин не была заинтересована в отношениях, однако, раз уж она уезжает отсюда, быть может, не откажет себе в небольшом приключении.

Внезапно он опустил руку в карман смокинга, извлек из него мобильный телефон и прочитал сообщение.

– Это от няни. У дочери поднялась температура. Мне нужно уйти.

И, не проронив более ни слова, он удалился, и она точно знала, что так же стремительно и бесследно исчезла и она из его мыслей. Эта маленькая девочка была для него всем на свете. Все без исключения знали об этом, так же как и о том, как глубоко и безутешно он горевал о своей жене. Впрочем, все это делало его только еще более привлекательным и соблазнительным.

Едва лучи утреннего солнца начали прорываться сквозь завесу ночи, Ксандер попытался подавить неодолимую зевоту. Он всю ночь напролет следил за состоянием Роуз. Даже несмотря на заверения врача, действенные антибиотики и жаропонижающие средства, он не мог успо-

коиться и не спускал глаз с дочери. Так и оставшись в смокинге, он сидел в кресле-качалке возле ее кровати. Ее лицо обрамляли колечки светло-каштановых волос, прилипших к коже от болезненной испарины. Каждый раз, когда она вздыхала, он старался уверить себя, что с ней все хорошо, что она, в сущности, здоровый ребенок, которому год и четыре месяца от роду, и просто немного приболела.

Детская была оформлена в белых, зеленых и розовых тонах и украшена розами. В комнате стояла тахта для тех случаев, когда родителям хотелось полюбоваться спящей дочкой. На ней могла отдохнуть и няня Элеонора, добрая женщина пятидесяти лет, которая искренне любила маленькую Роуз. Здесь же, в углу, стояло кресло-качалка, при взгляде на которое на Ксандера нахлынули воспоминания о Терри. Она часто сидела в этом кресле с их крошкой на руках, играла с ней, и лицо ее светилось материнской любовью и надеждами, которые олицетворяла эта уютная комната. За неделю до рождения Роуз они с Терри сидели на этой тахте, он нежно обнимал ее большой живот и они фантазировали о том, как будет выглядеть их малышка. Какой будет, чего достигнет, когда вырастет.

А сейчас, как и довольно часто в последнее время, на тахте беспокойно спал его брат, всегда готовый быть рядом и оказать поддержку. В голове Ксандера вдруг возник образ его брата, танцующего с Морин Берк.

Ксандер поднялся с кресла и слегка потрепал брата по плечу.

– Эй, Истон, – негромко позвал он. – Просыпайся, приятель. Тебе лучше вернуться в свою комнату.

Брат медленно приоткрыл глаза, несколько раз моргнул спросонья.

– Роуз?

– Ей гораздо лучше. Температура снизилась. Я все-таки отвезу ее к нашему постоянному педиатру на консультацию, но думаю, с ней скоро все будет в порядке. Ей уже не требуется, чтобы мы оба следили за ней не смыкая глаз.

– Вообще-то, я отлично поспал. – Его худой и долговязый брат спустил ноги с кровати.

– Спасибо тебе. И все же ты вовсе не обязан постоянно быть рядом. Я знаю, что у тебя много работы.

– Так же, как и у тебя, – многозначительно подчеркнул Истон, проведя рукой по волосам.

– Но она моя дочь.

– А ты мой брат. – Они смотрели друг другу в глаза спокойно и преданно. Они всегда разительно отличались друг от друга, но были очень близки. Их родители путешествовали по миру, не особенно задумываясь о потребности иметь свой дом, в который всегда можно вернуться, или о постоянном месте жительства, которое требовалось детям, чтобы заводить новых, настоящих друзей. Братья всегда полагались друг на друга. И связь их стала еще прочнее с тех пор, как умер отец, а мать вела свой привычный образ жизни, продолжая путешествовать по свету в бесконечных поисках все новых приключений в каждой новой стране, вместо того чтобы наладить отношения с сыновьями.

Истон мог найти работу в любом из заповедников дикой природы по всему миру, но, слава богу, предпочел остаться здесь, чтобы помогать брату. Это и означало для него целый мир.

– Спасибо тебе.

– Наилучшей благодарностью будет знать, что малышка выздоравливает. – Истон с нежностью погладил племянницу по голове. – Ну и может быть, еще... бутылочка первоклассной текилы, чтобы выпить ее на закате.

– Внеси в список. – Бесконечно длинный список всего того, что он был должен своему брату. Однажды он непременно найдет способ отплатить ему за все, что тот для него сделал. Нахлынувшее чувство вины вынудило его сказать: – Если тебе понадобится перейти на более серьезную работу...

– Мне не понадобится. Делать только то, что нужно, выбирать самое выгодное... – Он пожал плечами, перевел взгляд на Роуз. – Вот ради чего стоит жить.

Ксандер с трудом проглотил ком в горле. Терри не однажды говорила точно так же. Господи, как же ему не хватало ее.

– Что ж, это справедливо. – И вдруг спросил, окликнув брата уже в дверях: – Ты же не собираешься оставаться здесь из-за небезызвестной нам рыжеволосой особы, что служит у нас зоологом?

– Морин? – В словах Истона было столько скептицизма, что сомневаться в их правдивости не имело смысла. – Нет. Ни в коем случае. Между нами равным счетом ничего нет и быть не может. Мы слишком похожи.

Он тихо засмеялся, хитро усмехнулся, уже выходя за дверь, оставив Ксандера несколько смущенным и весьма озадаченным.

И смущало его не то, что Истон отверг его предположение, а то, что он испытал от этого искреннее облегчение.

Глава 2

Морин прислушивалась к знакомым щелчкам ключа в замке двери ее домика у побережья. Она думала о том, что будет скучать по этой яркой хижине, по этому удивительному месту в тропиках.

Однако пока дело до этого не дошло. Оставив эти мысли, Морин взяла свою большую сумку, полную всевозможных блокнотов и записных книжек, и стала собираться на работу. Дорога туда занимала минут пять неспешной пешей прогулки.

А сегодня, когда солнце ласкало своим теплом ее светлую кожу, она с удовольствием принялась осматривать окрестности по пути к жилищу семьи Лурдес, построенному на их частной территории, которую они приобрели на самой границе заповедника. Обходя главное здание – белый прибрежный особняк, всегда напоминавший ей пену волн в штормовую погоду, – она позволяла себе фантазировать.

Рассеянно, ни о чем не задумываясь, она наблюдала, как волонтеры собирались, а затем исчезали за оградами доков. Даже отсюда ей были слышны оживленные разговоры и шум, исходивший от толпы, что двигалась в направлении огороженной и находящейся под наблюдением территории возле белого особняка на сваях, характерного для Флорида-Кис.

Окидывая взглядом людей, пришедших к огороженным территориям, на которых содержались выздоравливающие животные, она надеялась увидеть Истона. Но его не было.

Не было и Ксандера. После прошлой ночи мысли ее вновь и вновь возвращались к тому танцу. У нее из головы не выходили его теплые прикосновения и то, как нежно и искренне он заботился о своей дочери. Она думала о его чертовски притягательных голубых глазах.

Большую часть ночи она провела в попытках объяснить свое влечение к Ксандеру, возникшее так неожиданно. Вместо того чтобы признать, что тот ночной танец нашел отголоски в ее снах, она старалась переключить собственное внимание на более приземленные и материальные события, вроде группы школьников, которую в ближайшее время ожидали в заповеднике.

Попасть в заповедник посетители могли исключительно в ходе заранее организованного тура. Такая политика очень нравилась Морин. Таким образом, заповедник живой природы превращался и для нее самой в своего рода неприкосновенное убежище.

Взглянув на часы, она отметила для себя, который час. Школьники должны были прибыть с минуты на минуту. А это означало, что нужно найти Истона как можно скорее.

Если же ей удастся увидеть и Ксандера, то это просто доставит ей радость.

Впрочем, откровенно говоря, от одной только мысли о намеренно подстроенной, якобы случайной встрече с ним у нее начинала кружиться голова. В ее воображении то и дело вспыхивали воспоминания о вчерашнем танце.

Что было бы, если бы она действительно вдруг столкнулась с ним? Морин провела рукой по своим непослушным кудрявым волосам и едва сдержала невольный возглас, заметив Ксандера.

Ксандер шел плавно, не торопясь и на ходу надевал пиджак.

Когда Терри, его жена, стала участвовать в волонтерской деятельности, он построил этот дополнительный офис здесь, в заповеднике. Терри всей душой полюбила Ки-Ларго и свою добровольческую работу. Три года назад, когда Морин только начала сотрудничать с заповедником, Ксандер постоянно курсировал между двумя точками, выполняя основную работу в Майами, а офис на территории заповедника используя как второстепенный. Когда Терри не стало, он окончательно перебрался сюда.

На мгновение мысли Морин сосредоточились на воспоминаниях о Терри. Она была спокойной, деликатной женщиной. Прошло немало времени, прежде чем Морин обнаружила, что

сердце Терри больше и отзывчивее, чем у большинства людей, а ее доброта, сопереживание и участие исключительно искренние. Раненых животных порой успокаивало одно только ее присутствие. Даже когда Терри уже была беременна, она неохотно выполняла офисную работу и, судя по наблюдениям Морин, с удовольствием предпочла бы работу с животными.

После смерти жены Ксандер полностью погрузился во все, что связано с заповедником.

Ксандер не спеша спускался по деревянной лестнице, что вела вниз из дома, стоящего на сваях.

– Морин?

Он произнес это так, словно не узнал ее. Хм... что ж, может быть, сегодня она посвятила своей внешности немного больше времени, чем обычно. Ее привычной, повседневной одеждой были джинсы и свободная футболка. Минимум макияжа – возможно, лишь пара взмахов щеточкой с тушью для ресниц, неброский блеск для губ и собранные в высокий хвост выющиеся волосы. Сегодня же она выглядела привлекательнее. Ее приталенная рубашка подчеркивала фигуру, а губы благодаря помаде были чуть ярче.

– Да, конечно. Я что, как-то иначе выгляжу? – Морин улыбнулась, робко и как будто немного натянуто.

Он не спускал с нее глаз, тщательно обводя взглядом. Медленно, словно пытался что-то рассмотреть или понять.

– По сравнению со вчерашней ночью, когда была вечеринка? Да.

– Сегодня утром к нам на экскурсию должна приехать группа школьников, – торопливо объяснила она. – Они должны прибыть с минуты на минуту, а нам не хватает рабочих рук. Разве вам не пора быть на службе?

Слегка наклонив голову, она украдкой взглянула на него. Уголки его рта дрогнули, и на губах заиграла едва заметная улыбка. Он лукаво приподнял брови, подошел на шаг ближе и подмигнул ей. В этот момент он выглядел беззаботным и даже веселым.

– А как насчет вас, Морин?

Она почувствовала, как по спине пробежала легкая волнующая дрожь, стоило ей только взглянуть на него. В этот момент все мысли вдруг точно исчезли. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она нашлась что ответить.

– Я ищу вашего брата.

– Истон сегодня будет поздно. Вчера мы не ложились до глубокой ночи, не отходили от Роуз.

– Вы оба заботились о ней?

– Вас это удивляет?

– Я просто предполагала, что вы скорее склонны полагаться на помощь няни или бабушек и дедушек.

– Мой отец умер, мать путешествует. А бывшие теща и тесть порой слишком настойчивы в требованиях. Няне Элеоноре необходим отдых, чтобы она могла как следует присматривать за Роуз, пока я на работе. Кроме того, мне помогает брат. – Ксандер жестом указал на дорожку, что вела к служебным помещениям. – Может быть, пойдём?

И они пошли.

– Чудесно, что вы оба так заботитесь о Роуз. Как она?

– Судя по тому, что сказал врач отделения экстренной помощи, у нее ушная инфекция. Сегодня я отвезу ее к педиатру, чтобы он назначил нам дальнейшее лечение.

– Может быть, я могу чем-нибудь помочь?

Морин видела фотографии маленькой дочки Ксандера и ее рисунки в его кабинете – свидетельства преданной отцовской любви. Морин приходилось общаться с малышкой. Роуз была милой, очаровательной, нежной, активной и жизнерадостной девочкой. Своими крохотными пальчиками она тянулась к руке Морин, чтобы поиграть ее кожаным браслетом. И неосо-

знанно, по привычке, Морин дотронулась до браслета. Эта вещица всегда и повсюду была с ней. Своего рода знак, свидетельствующий о ее постоянстве и верности.

– Спасибо. Но я думаю, самое трудное время мы уже пережили. Впрочем, надо признать, есть определенная ирония в том, что нам с братом пришлось выполнять всю женскую работу.

– А где-то в это время вздыхали одинокие женщины.

Он рассмеялся. А Морин вдруг затрепетала. Его голубые глаза обезоруживали, делали ее совершенно беззащитной, особенно в тот момент, когда он перевел взгляд на ее губы.

К своему ужасу, она поняла, что краснеет. «Немедленно возьми себя в руки», – сурово приказал ей внутренний голос, и она сделала глубокий вдох.

– Вы нужны здесь, чтобы заботиться о животных.

– Безусловно. Она ведь ваша дочь, а меня она почти не знает. – Морин подняла руки, словно сдаваясь. – Я перешла границу и приношу свои извинения.

Он вздохнул.

– Нет, это я прошу прощения. Вы искренне предложили помощь, а я повел себя как кретин. Говорят, за мной даже закрепилась такая слава.

Она промолчала.

– Не собираетесь опровергнуть? – Уголки его губ чуть приподнялись.

– Я бы не осмелилась говорить о большом начальнике нечто столь оскорбительное.

Он засмеялся.

– Вы не перестаете меня удивлять. Вы совсем не такая, какой я представлял вас прежде.

– А вы думали обо мне? – Слова, точно сами собой, вырвались у нее прежде, чем она успела подумать.

– Как ваш работодатель.

– Ну да, конечно. У вас был очень тяжелый год.

– Четырнадцать месяцев. Четырнадцать месяцев и три дня. – Его голос вдруг как будто сорвался.

– Мне безмерно жаль, что вам пришлось пережить такую утрату. – В это мгновение в ее груди что-то до боли сжалось. Она видела, как беззаветно Ксандер и Терри любили друг друга.

Их взгляды встретились, и в тот же миг порыв ветра принес с острова легкий аромат диких цветов и отголоски моторов автомобилей, мчащихся где-то вдаль.

– Роуз – все, что осталось у меня от Терри. Ради нее я живу, но иногда... – Он нервно провел рукой по взъерошенным волосам и, чуть откинув голову, устремил взгляд в небо. – Иногда я чувствую, что недодаю ей чего-то.

Она осторожно коснулась его руки.

– Вы устали, как устает любой родитель. И вы превосходный отец. Вы здесь, с ней и делаете все для нее, так же как и ваш брат. И няня у Роуз замечательная.

– Да, несомненно, они очень привязаны друг к другу. Я каждый день уделяю дочери время.

– Я знаю. Совершенно очевидно, что вы ее любите.

– Да. Люблю. Она вся моя жизнь.

– Этой малышке очень повезло.

Ксандер посмотрел на Морин. Его голубые глаза сияли, губы чуть приоткрылись, словно он хочет что-то сказать. И чем дольше его взгляд не отпускал ее, тем труднее ей становилось дышать.

– Спасибо вам за помощь в устройстве приема и представления прошлой ночью.

– Спасибо вам за танец, что подарили мне прошлой ночью.

Еще несколько мгновений они стояли вот так, не шевелясь и не произнося ни слова, пока не стали прибывать автобусы, которые наконец вернули их к реальности.

Проведя целый день в помещении офиса, Ксандер отчаянно жаждал свежего соленого воздуха и солнечного света. Он переделал массу работы, отвез Роуз к педиатру и только что уложил ее. Он даже успел прочесть ей сказку, прежде чем она уснула. Его сменила няня.

Сегодня они с братом решили взять пробу воды в одной из ближайших топей. Ксандер объяснил себе, что присутствие на борту Морин – всего лишь необходимость, рабочий момент.

Он с нетерпением ждал появления Морин, надеясь доказать себе, что это влечение к ней противоречит здравому смыслу.

Истон, его помощница Порша, Морин и Ксандер – все были в купальниках и плавках, и их низко посаженная лодка плавно прокладывала путь по воде. Ксандер честно старался не смотреть на загорелые ноги Морин и то, как ее слитный купальник цвета лаванды подчеркивает стройность ее талии и бедер.

Порша Сото тоже была в слитном купальнике, однако длинный саронг скрывал ее фигуру. Эта женщина буквально олицетворяла собой чопорность и нарочитую строгость. Она поправила свою шляпу с широкими полями и солнечные очки, жесты выдавали ее обеспокоенность.

Истон расположился рядом со своей ассистенткой, которая, застыв, сидела, прижавшись к нему спиной и с силой вцепившись пальцами в борт лодки. Бедняжка. Она выглядела совершенно несчастной и напуганной до предела. Ксандеру хотелось успокоить бедную, дрожащую от ужаса женщину, но его опередила Морин.

– Вы бы хотели вернуться на берег? Вам вовсе не обязательно каждый раз плыть с нами, – мягко произнесла Морин, коснувшись руки Порши.

– Но доктор полагается на мои записи. – Она кивнула в сторону сумки, что держала в руках, хотя сама то и дело с тревогой бросала взгляд на мутную воду вокруг и обитателей топей, встречавшихся по пути.

– Наверняка они имеют большую ценность, – рассеянно произнес Истон и наклонился за борт лодки. Вдруг налетел порыв ветра, прижав плотно к телу синие плавки и белую футболку Истона.

Морин щелкнула языком, глядя на Поршу.

– Однажды аллигатор все-таки откусит вам руку.

Цвет лица Порши внезапно стал бледно-зеленым.

– Я же просто пошутила.

Порша посмотрела вниз, с трудом решила освободить одну руку, другой продолжая сжимать край борта, достала диктофон из своей водонепроницаемой сумки и начала едва слышно бормотать что-то в микрофон.

Морин наклонилась к Истону:

– По-моему, она записывает завещание на случай гибели во время сегодняшней поездки.

– Возможно. И все же между нами сложилось взаимопонимание. Мы оба нужны друг другу.

– Просто кажется странным, что она взялась за работу, которая так ее пугает.

– Я хорошо плачу. Не многим понравится такая работа. Я могу ей доверять, а это дорогого стоит. Кроме того, я убежден, что где-то в глубине, за всей этой чопорностью, можно отыскать дух приключений.

– Если только прежде у нее не случится сердечный приступ.

Порша неожиданно присоединилась к разговору:

– Или не умрет от заражения какими-нибудь плотоядными бактериями.

Истон рассмеялся, и отголоски его смеха еще долго разносились над водой, пока он снова не вернулся к работе.

Едва Ксандер поймал взгляд брата, как тот уже перевел его на Морин. Что-то лукавое было в выражении лица Истона. Он на мгновение вопросительно поднял бровь, взглянув на Ксандера, и тотчас полностью сосредоточился на Морин.

– Мне безумно жаль, что вам придется от нас уехать.

– Мне тоже. Это работа моей мечты. – Все ее внимание, казалось, сконцентрировано в какой-то воображаемой точке на линии горизонта, и Ксандер невольно последовал за ее взглядом, стараясь представить, о чем она может думать в эти минуты. Лицо ее было печальным, похоже, ей вовсе не хочется покидать этих мест. Ну конечно, она ведь просила его найти способ продлить ее визу, чтобы она могла продолжить свою работу здесь. Он не получил ответа, но потом новости дошли до нее, и результат, очевидно, был отрицательным.

И все же в лице ее читалась душевная мука, и он подумал, что виной тому не только работа.

Истон тихонько присвистнул.

– А вы уверены, что нет совершенно никакого способа продлить рабочую визу?

– Мне отказали в продлении. Ваш брат даже подключил к этому юридическую компанию, где изучили все мои документы, чтобы хоть чем-то помочь, но в условиях ужесточения правил, связанных с иммиграцией, мой запрос был отклонен... – Морин снова посмотрела на Ксандера.

Знала ли она, что он слышит их разговор?

Он прилагал все усилия, чтобы выглядеть абсолютно незаинтересованным и безразличным. Взгляд Истона обратился на брата, Истон даже чуть кивнул ему. Это был какой-то знак, чтобы привлечь к чему-то внимание? Что же задумал его брат?

– Ксандер отдал и продолжает отдавать этому месту огромное количество времени, сил и энергии, а также своей души.

– Да, это так. И я вчера очень удивилась, когда он решил потанцевать.

– Кто бы мог подумать, что он способен исполнить джигу. – Обернувшись назад, Истон подмигнул брату. – Кто бы мог подумать, что он вообще станет танцевать? С тех пор как не стало Терри, подобные вещи с ним не случались.

– Она была прекрасной женщиной.

Ксандер старался не подавать виду, что он пытается расслышать продолжение разговора.

– Да. И нам всем ее не хватает. И всегда будет не хватать. И все же я не могу оставить надежды, что мой брат найдет способ и силы, чтобы двигаться дальше. – Губы Истона растянулись в деликатную улыбку. Он посмотрел на Морин заговорщическим взглядом.

Морин покачала головой:

– Вы придаете танцу слишком большое значение.

– А я ничего такого не говорил.

– Я не собираюсь делать какие-либо шаги в отношении вашего брата.

Ксандер заметил, как боль вдруг исказила черты Морин.

– И этого я не говорил. Это ваши слова.

– Я разведена.

– Я знаю.

– Это было ужасно.

– Что ж, мне жаль слышать это.

– Все в прошлом, я стараюсь сосредоточиться на настоящем и на своей работе.

– Именно по этой причине вы хотите остаться здесь? Потому что на родине вас ожидает ваш бывший муж?

Истон бросил взгляд в сторону Ксандера, который в очередной раз сделал вид, будто этого не заметил. На самом же деле его чрезвычайно интересовал этот разговор. Тяжелый развод? Ему оставалось только гадать, что же могло произойти.

– Безусловно, здесь мне было легче начать все с чистого листа.

– Но ведь еще не все потеряно.

– Я ценю ваш оптимизм.

– Эй, прошу вас, – вдруг раздался голос Порши, – пожалуйста, доктор...

– Да, мисс Сото? – Истон повернулся к ней.

– Кажется, у меня начинается морская болезнь. – Едва успев договорить это, Порша перегнулась через поручень, превратившись в тень на фоне алеющего заката, и содержимое ее желудка тотчас оказалось за бортом.

Ксандер мгновенно отреагировал, резко сменив курс и направив судно к докам.

Они были не очень далеко, и уже через несколько минут доки были в поле зрения.

Там же оказались и родители Терри. Если они вдруг прибывали из Майами без всякого предупреждения, это неизменно было дурным знаком.

Ксандер спрыгнул с лодки и помог Порше выбраться на берег. Она была мертвенно-бледной. Как только ее ноги ступили на твердую землю, Порша прикрыла ладонью рот, учтиво кивнула тестю и теще Ксандера и ринулась к дому, вероятно из последних сил сдерживая тошноту.

Родители Терри смотрели на окружающий пейзаж и все происходящее с нескрываемым отвращением. Теща Ксандера провожала взглядом Поршу, бежавшую к дому вверх по склону. Брови Делайлы озадаченно изогнулись, и казалось, между ней и Джейком, тестем Ксандера, состоялся какой-то безмолвный диалог.

Они всей душой ненавидели место, в котором оказались, и не пытались это скрыть.

Джейк проводил взглядом Поршу, а затем посмотрел на Ксандера. В его глазах читалось исключительное неодобрение.

Ксандер в душе негодовал: неужели они действительно могли подумать, что он проявляет к Порше какой-то особый интерес? К тому же какое они вообще имеют право лезть в его личную жизнь и тем более судить его? Безусловно, всем им чрезвычайно не хватает Терри, но ее нет уже больше года, и с этим придется смириться.

И тем не менее ему хотелось сказать им, что они все неверно поняли. Кстати, Порша не в его вкусе. Он уже готов был высказать свой протест, как вдруг его поразило сходство характеров двух женщин. Порша – утонченная, спокойная, сдержанная, она обладает множеством качеств, присущих Терри.

Однако Ксандер никогда даже не задумывался о ней. Ни разу. Для него в ней не было и намека на притягательность. Абсолютно ничего, похожего на то, что вызывала в нем Морин. Ксандер невольно посмотрел на нее. Она помогала Истону пришвартовать лодку.

Он снова посмотрел на тещу и тестя, пытаясь понять причину их визита.

Джейк и Делайла Гудвин были хорошими людьми, но у них был существенный недостаток: они окружали ребенка гиперопекой.

Ксандер всегда предполагал, что это их чрезмерное внимание и неотступный контроль связаны с обстоятельствами рождения Терри. На протяжении многих лет Джейк и Делайла пытались зачать ребенка, но безуспешно. И все же Делайле удалось зачать и выносить Терри. Это был для них ребенок-чудо. Их единственный, долгожданный ребенок.

На протяжении всей жизни Терри опекали и баловали. Родители обращались с ней так, словно она хрустальная. Сейчас Ксандер, будучи отцом, понимал их желание и стремление уберечь ее, но Джейк и Делайла определенно переходили все границы разумного в своей заботе и опеке.

Делайла поправила фамильное жемчужное ожерелье, которое было единственной драгоценностью, свидетельствующей об их огромном состоянии. Они были добрыми людьми, но слишком привыкли во всем отдавать приказания и диктовать свои условия. Они были не из тех, кто готов идти на компромисс.

– Мы слышали, наша внучка больна, а ты тем временем проводишь время здесь. Кто же заботится о ней? – сурово спросил Джейк.

– Сейчас она спит, а присматривает за ней Элеонора. У Роуз ушная инфекция. Вчера ночью мы обратились в отделение экстренной помощи, а сегодня были у педиатра.

Театрально приложив к груди ладонь с безупречным маникюром, Делайла нахмурилась.

– А ведь о ней могли бы заботиться ее родственники.

– Они и заботятся. Ее родной отец и дядя. – Ксандер что было сил старался не повышать тона.

– И оба они здесь, развлекаются катанием на лодке, – продолжала Делайла.

– Работают.

– Ну, хорошо. Работают. Но ведь с ней могла бы оставаться ее бабушка.

– Я очень ценю ваше предложение помочь. Кто рассказал вам о ее болезни?

Делайла пренебрежительно махнула рукой, словно это не имело значения.

– Кто-то из сотрудников, когда я позвонила, чтобы просто поздороваться.

Скорее, чтобы проверить. Родители его жены отнюдь не делали тайны из того, что хотят оформить опеку над Роуз. Ему было бы гораздо уютнее в их обществе, и он был бы даже рад их визитам, если бы они не делали постоянно своих записей и пометок, бесконечно строя свои чертовы планы и козни.

Он старался сохранять благоразумие, насколько это вообще было возможно.

– Роуз проснется примерно через час. Если вы хотите остаться на обед, можете поиграть с ней, когда она проснется.

Он обернулся, чтобы посмотреть, чем заняты его брат и Морин. Истон привязывал лодку в доке, а Морин собирала взятые ими пробы. Однако совсем не это привлекло внимание Ксандера. Огромный аллигатор заплыл на территорию доков и натолкнулся на лодку. Низко посаженная лодка закачалась, и Ксандер мгновенно перевел взгляд на Морин, перегнувшуюся через ограничительный поручень.

Глава 3

Морин не удержалась и камнем упала в темную воду залива.

Плавание никогда не вызывало у Морин сложностей. В Ирландии все приключения ее детства так или иначе были связаны с реками и озерами. Еще в юности она бесстрашно погружалась в глубину. Она даже рассказывала родителям, что ищет там келпи – ирландские мифические создания, живущие под водой и предстающие перед людьми в образе лошадей. Эти обитатели легенд бывали весьма опасны и, говорят, порой топили смертных ради собственной забавы. В восемь лет Морин была твердо убеждена, что сможет отыскать келпи и опровергнуть это неверное о них представление. Ее склонность к тому, чтобы помогать и лечить, происходила из самой глубины ее существа.

Но здесь, в болотистых водах Ки-Ларго, к ловцу мог подкрасться настоящий аллигатор. Животное, которое в действительности могло в мгновение ока лишить ее жизни.

Она замерла в воде, не двигаясь и лишь удерживаясь на плаву, пытаясь дышать как можно ровнее и спокойнее. Длинные скользкие болотные водоросли обмотали ее лодыжку, превратившись в предательски прочные подводные оковы.

Адреналин гнал кровь по венам, сердце билось все чаще по мере того, как она все отчаяннее пыталась освободиться от упругих пут, делая резкие, довольно хаотичные движения.

Она подняла глаза и увидела охваченное ужасом и паникой лицо Ксандера.

Водоросли, обвивавшие лодыжку Морин, тянули вниз. Проклятье. Как же могла она за какие-то секунды попасть в коварную ловушку? Она почувствовала, что ее охватывает паника, когда услышала едва различимый крик. Казалось, голос доносился откуда-то издалека.

Цепкие водоросли сжимали лодыжку Морин все крепче, постепенно утягивая ее под воду. Чем больше она старалась удержаться на поверхности, схватиться за борт лодки, тем настойчивее ее тянуло вниз.

Она совершенно потеряла ориентацию в пространстве, но внезапно сквозь это туманное, пугающее состояние прорвался слабый звук. Это был голос Ксандера.

– Морин, я уже иду!

Слова долетали до нее, словно отдельные веточки, оторванные и унесенные ветром. Соль резала и застилала ей глаза, но вот она уже смогла различить крепко сбитую, сильную фигуру Ксандера, приближавшуюся к ней. Она разглядела и людей, следовавших за ним, – это были его тесть и теща. Даже отсюда, издалека, несмотря на замутненное зрение и прочие обстоятельства, она явственно видела беспокойство в их напряженных фигурах.

Уже спустя мгновение Ксандер был рядом. Крепко схватив Морин за руку, он притянул ее к лодке и помог удержаться над водой. Воздух снова наполнил ее легкие.

– Я в порядке. Я хорошо плаваю. Мне нужно только высвободить ногу – она запуталась в водорослях.

– Понял. – Восприняв это как сигнал к действию, он нырнул и стал погружаться.

Она поймала его руку.

– Будьте осторожны, здесь...

Он бросил взгляд в сторону, где, почти не шевелясь, плавал аллигатор, покрытый грубой чешуйчатой кожей и вращавший круглыми, точно бусины, глазами.

– Я вижу. И чем быстрее мы выберемся отсюда, тем лучше.

Он скрылся под водой, оставив за собой только след из маленьких пузырьков воздуха. От страха сердце в груди ее гулко и часто забилось, словно военный барабан. Аллигатор исчез под водой.

Время остановилось.

Неожиданно она почувствовала, как большая ладонь обхватила ее лодыжку и наконец освободила ее от водорослей. Неосознанно, поддавшись инстинкту, она прижала колени к груди. Ксандер был уже рядом. Острое напряжение и тревога немного спали, но не исчезли окончательно.

– Я не сомневаюсь, что вы умеете плавать, но вы ранены.

Он обхватил ее руками, и она ощутила, как тепло его тела стало словно перетекать в нее, приятно обволакивая. Впервые за очень долгое время она почувствовала себя маленькой и защищенной, страх постепенно покидал ее сердце. Почти выйдя из воды, они стали вязнуть в скользком илистом песке, и он снова помог ей двигаться, пока они не достигли твердого берега.

Все ее тело дрожало, и он безотчетно заключил ее в крепкие объятия, а она уронила голову ему на грудь. Она ощущала прикосновение его сильного тела. Нехотя отстранившись от него, она подняла глаза и поймала его взгляд, скользивший по ее губам.

– Морин? – Ее имя, произнесенное кем-то, беспощадно вернуло все на свои места. Она обернулась и увидела тещу, тестя Ксандера и Истона, стоявших неподалеку.

Морин повернулась к ним лицом, стараясь при этом стоять вполоборота к Ксандеру. Непринужденным движением, словно делал это уже тысячу раз, он положил руки ей на плечи.

Смятение и недовольство тестя и тещи Ксандера были очевидны.

– С вами все в порядке? – спросил тесть Ксандера, сморщившись так, словно против своей воли вдохнул отвратительный, удушливый запах.

Морин молча кивнула.

Тогда мужчина переключил свое внимание на Ксандера.

– А с тобой?

– Да. Большое спасибо. Отделались легким испугом. – Он чуть сильнее сжал плечи Морин, прежде чем убрать с них ладони.

Теща Ксандера презрительно хмыкнула в ответ:

– А что, если бы на ее месте оказалась Роуз? Радует лишь то, что ее здесь нет. Несомненно, естественный заповедник на лоне природы – это чудесно... – стальные, холодные нотки звучали в ее словах, – однако это слишком опасное и непредсказуемое место, совершенно не подходящее для нашей внучки.

Морин украдкой взглянула на возмущенную особу, слова которой прозвучали как предупреждение.

Вот уже несколько часов прошло после происшествия с аллигатором, а Ксандер все еще не мог собраться с мыслями.

Он вспоминал, как Морин упала в воду и как он бросился ей на помощь. Вспоминал, какой она была испуганной и продрогшей в одном купальнике. И то, какое облегчение они оба испытали, когда оказались на берегу и он обнял ее.

В те минуты, стоя у кромки воды и обнимая Морин, он ощутил связь с ней, у него возникло чувство, что он давно знает и понимает ее.

Потом его мысли переключились на родителей Терри. Он вспомнил, как она порой нервничала под их пристальным критикующим взглядом, когда они приезжали. Она просто сходила с ума, стараясь, чтобы вокруг и во всем был безупречный порядок, чтобы еда была приготовлена идеально. Ее родители всегда находили повод для замечания, это был их метод достижения идеала, хотя в глубине души они желали им только добра.

Наблюдать за тем, как Делайла постоянно наставляет и поучает Роуз, было для него невыносимо. Он хотел, чтобы его дочь выросла жизнерадостной и уверенной в себе, с развитым чувством собственного достоинства.

Он хотел сам воспитывать своего ребенка.

– Знаешь, Ксандер, мы готовы помочь тебе с Роуз. Оставить ее у себя, пока она не пойдет в школу. Ведь мы уже на пенсии и могли бы посвящать ей все свое время. – Высокий голос Делайлы звучал приторно. Она склонилась над Роуз и рассматривала рисунок малышки.

– Что ж, я знаю, она всегда с нетерпением ждет вас обоих. Я думаю, этого достаточно, – с участием произнес он. Кажется, боль потери оставила на его лбу глубокую морщину.

– Ты помнишь Барри, друга нашей семьи и юриста к тому же? Он как-то заметил, что суд мог бы принять решение в нашу пользу, ведь с нами Роуз было бы лучше. Мы знаем, как много ты работаешь. А у нас достаточно времени, которое мы могли бы посвятить ей и которым ты пока не располагаешь. – Джейк стоял за спиной Ксандера, положив руку ему на плечо.

Кровь в его венах буквально вскипела, его бросило в жар. Однако нужно было сохранять благоразумие и холодный рассудок.

– Я знаю, как вы любите Роуз. Но сейчас ей пора спать. Она еще не совсем поправилась.

Делайла кивнула:

– Да, ей действительно нужен отдых.

– Уверен, так же, как и вам. Возможно, вам лучше будет устроиться в гостинице. – В его невозмутимой интонации слышался вызов. Ему необходимо было отделиться от них. Обозначить границы.

Особенно теперь, когда их намерения не оставляли никаких сомнений. Они приехали, чтобы следить за ним и оценивать его состоятельность как отца.

И вдруг ему в голову пришла еще более пугающая мысль. А что, если они просто увезут ее? Это предположение не оставляло его, пока он провожал их и когда вернулся в комнату, где спала его дочь. Глядя в добрые карие глаза Элеоноры, он объяснил ей, что, если кто-нибудь, включая его тещу и тестя, попытается проникнуть на территорию их владений, его следует немедленно известить. Женщина понимающе кивнула.

Затем он отправился на поиски Морин. Ему хотелось удостовериться, что с ней все в порядке после происшествия.

Направившись в клинику, расположенную в модернизированном здании с множеством окон, он заметно ускорил шаг. Его не оставляло чувство, что он должен поскорее вернуться домой: всему виной гнетущее давление со стороны родителей жены, их постоянные напоминания о том, как много рисков существует в заповеднике и как опасно растить и воспитывать здесь Роуз. Это давило на него тяжелым грузом.

Едва он открыл дверь клиники, в нос ударил резкий кисловатый запах нефти. Он свернул за угол и тотчас увидел Морин и шумную компанию морских птиц, перепачканных нефтью. Когда лодка накренилась, в воду пролилось топливо, отчего пострадало оперение нескольких птиц. Служащие заповедника отмывали их.

Морин осторожно удаляла верхний слой нефтяного топлива с тонких, хрупких перьев, используя средство для мытья посуды. Морин, воркуя, точно уговаривая, старалась успокоить птиц, очень похоже имитируя их резкие крики. Казалось, между ними происходит беседа.

А в смотровой комнате Истон внимательно проводил обследование каждой отмытой птицы.

Волосы Морин, собранные на затылке в тугий узел, все еще были влажными. На ней была медицинская униформа.

Ей, вероятно, даже не пришло в голову проверить, все ли в порядке с ее собственной лодыжкой: прежде всего забота о пострадавших пернатых.

Она стояла, ополаскивая птицу водой, с улыбкой радости, а он смотрел на нее и чувствовал, как земля уходит из-под ног. Он был совершенно заворожен изяществом и грацией ее движений.

И ее добротой. Именно это, ее умение сопереживать, ее терпение и сострадание было тем чудодейственным средством, что так требовалось ему. И возможно, могло бы даже вызвать благосклонность его тещи и тестя, которым так невероятно сложно угодить.

Легкими, но уверенными движениями Морин оттирала нефть с левого крыла птицы, которую очень осторожно держала в руках. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем она заметила, что Ксандер наблюдает за ней, стоя у дверей.

Жар хлынул к ее щекам, едва она вспомнила, как их тела прижимались друг к другу после происшествия.

– Все в порядке? Вы попали в довольно серьезную переделку.

Она только пожала плечами в ответ.

– Интересно, что может заставить женщину, да, черт возьми, кого угодно, захотеть помериться силами с аллигатором?

Он подошел чуть ближе.

– Они кусаются не так больно, как хищники, обитающие в совете директоров, – пошутила она.

– Забавно, – усмехнулся Ксандер. – А если серьезно, почему именно эта профессия?

– А почему мы вообще выбираем ту или иную профессию?

– Мне, например, нравится корпоративный дух, я всегда готов принять вызов, и к тому же склад ума, кажется, позволяет успешно руководить бизнесом. Без этого подобные места обречены на гибель.

Она улыбнулась и задорно приподняла бровь, когда прямо между ними пролетел большой мыльный пузырь.

– Это правда. Но и без таких, как я, места вроде этого не смогли бы существовать. Я хотела стать ветеринаром. Мне просто нужно было найти свою нишу.

– Так что же, вам в бассейн подбросили аллигатора, и вы сразу все поняли? – На его губах заиграла обаятельная, хотя и чуть ироничная, улыбка, и Морин стало сложно сосредоточиться. Она отвела взгляд и повернулась к ушастому баклану, который в этот момент издал характерный гортанный звук, похожий на хрюканье недовольного поросенка. Это прозвучало смешно и даже очаровательно.

– Это случилось во время одной из небольших школьных экспедиций. Моя группа отделилась от всех остальных, и мы заблудились. Мы все бродили вокруг и заходили все глубже и глубже в торфяники. Вскоре опустился туман, и мы практически перестали видеть, что у нас под ногами. Это ужасно напугало всех в нашей группе, а меня вся эта природная фантазмагория... просто заморозила. Мне хотелось проникнуть внутрь и идти, впиваясь пальцами в эту дымчатую мглу. Я ощутила... незримую связь. И вот тогда я все поняла. – Она взмахнула рукой, словно стараясь обхватить весь мир вокруг. – Вот то, чему я должна посвятить жизнь.

– Вы... удивительная женщина.

Она почувствовала, как румянец обжег ее щеки. Его комплимент много значил для нее. За время замужества ее самооценка серьезно пострадала.

– Спасибо. Я просто удачливая.

– Усердный труд определенно повышает шансы на удачу.

– И все же жизнь далеко не всегда справедлива и беспристрастна.

Она смотрела на него и думала, что влечение к этому человеку, несомненно, несет с собой определенные сложности. Кроме того, никто не отменял проблем с рабочей визой, срок которой скоро истекал.

Его лицо помрачнело.

– Да, это правда.

– О господи. – Она дотронулась до его плеча. – Простите. Не думала, что это прозвучит так жестоко.

– Нет, все в порядке, правда. Я не могу прожить всю оставшуюся жизнь вот так, вынуждая всех вокруг взвешивать каждое слово. Я не пожелал бы этого и для Роуз. Мне хочется, чтобы она росла в мире, полном радости и счастья.

– Уверена, бабушка с дедушкой балуют ее и души в ней не чают.

Он еще больше помрачнел.

– Я снова что-то не так сказала? – Все внутри ее сжалось.

– Дело не в вас. Просто с тех пор, как не стало Терри, мои отношения с ними стали очень напряженными. Им не хватает ее, я понимаю. Но больно нам всем.

– Любой сказал бы не задумываясь, как сильно вы любили друг друга.

– Мы знали друг друга всю свою жизнь, – произнес он с тоской в голосе.

– Так, значит, и с ее родителями вы знакомы так же давно. И они должны были стать вам родными, не так ли?

У него вырвался резкий, но невеселый смех.

– Ах, если бы это было так просто.

– Мне не следует лезть не в свое дело.

– Вы и не лезете. Они обвиняют меня в том, что я не заботился о ней. В тот день, когда она умерла, я задержался на работе до позднего вечера. Если бы я вовремя вернулся домой, то, возможно, заметил бы симптомы и сразу отвез ее в больницу...

По его интонации она поняла, что он много раз играл сам с собой в жестокую игру «а что, если бы». Она хорошо знала, как это тяжело.

– Вы не можете винить себя. – Ее голос звучал нежно, но твердо.

– Но я виню себя. Они винят меня. – Он затих, закрыл лицо ладонями, словно хотел отгородиться от всего, и осторожно сделал еще шаг вперед.

– Истон сказал, что доктора уверяли: ничего нельзя было сделать. Мне очень жаль.

– У меня есть наш ребенок. И я не в силах ничего изменить.

– Вы настоящий стоик.

– И что же в этом плохого?

– Ничего.

– Даже я знаю: когда женщина говорит «ничего», это что-то да значит. – Он усмехнулся, как будто стараясь найти хоть что-то светлое в этой беспроблемной тоске.

– Мне просто интересно, кто...

– Что «кто»?

– Кто помогал вам пережить все это? – Не успев закончить фразу, она уже пожалела о том, что осмелилась лезть ему в душу. Чуть запинаясь, она почти прошептала: – Я не должна была, это слишком личное...

Он взмахнул рукой, словно отменяя ее отговорки.

– Мне не давала пасть духом моя дочь. Нет способа, чтобы избавиться от боли. И хватит обо мне. Лучше расскажите мне историю своей жизни.

– Я родом из Ирландии.

– Звучит таинственно, милая леди. – Он попытался воспроизвести резкий провинциальный акцент, чтобы говорить точно старый ирландец в одной из передач канала Би-би-си. И она улыбнулась:

– У меня вовсе не такой сильный акцент.

– Это правда. А почему?

Она взглянула на него сквозь опущенные ресницы, заканчивая очищать крыло последней птицы.

– Мой отец десять лет работал в американской компании в Мичигане.

– Так вы поэтому оказались именно здесь?

– Быть может. После развода мне требовалось кардинально сменить обстановку. Я получила рабочую визу. И вот я здесь – вся история.

– А теперь пришла пора возвращаться домой. – Он чуть склонил голову. – Вот только, похоже, вы не слишком этому рады. Могу себе представить, как скучало без вас ваше семейство.

– Они были очень недовольны тем, что я разошлась с мужем. Они обвинили меня в том, что я предпочла замужеству работу.

– Ваш муж не хотел ехать с вами?

– Нет. Да я, честно говоря, и не просила его об этом. К тому времени мы уже были в разводе, но мои родители этого не знали. – Она тряхнула головой. – Мне не хочется говорить об этом. Нет ничего более скучного, чем бесстрастный и неприятный развод.

– Как хотите.

– Кстати говоря, что вас сюда привело?

– Мне нужна ваша помощь.

– Какое-то животное сбежало из вольера?

Он театрально прижал руку к груди.

– Боюсь, вы только что оскорбили мое мужское достоинство. Возможно, мне далеко до брата, но я в состоянии справиться с потерявшимся питомцем.

– И со змеями справитесь?

– Легко, – кивнул он.

– С птицами?

– Понадобится сеть, а также ловкость и немного сноровки.

– Олень?

– Я бы догнал его на квадроцикле.

Образ Ксандера, который верхом на квадроцикле с ревом мотора преследует оленя, стараясь вернуть его в загон, рассмешил Морин. Она невольно поддалась непреодолимому очарованию этой пикантной игры и флирта. В конце концов, это же совершенно безопасно и в любом случае ни к чему не приведет.

– А как насчет аллигаторов?

– О, от аллигаторов лучше держаться подальше.

Она кокетливо закатила глаза.

– Что ж, как скажете. И все-таки, если быть откровенной, я бы предпочла заниматься аллигаторами, чем сражаться с цифрами, бумагами и чиновниками, как это приходится делать вам. – Она даже красноречиво вздрогнула, вообразив это. – К тому же дни напролет проводить в офисе? Ну уж нет, спасибо.

– Но вы уж впредь, по крайней мере, оставайтесь в лодке, если дело дойдет до аллигаторов.

– Договорились. – Она игриво подмигнула ему. – Так о чем вы хотели спросить меня?

– Как продвигаются ваши дела с продлением рабочей визы?

– Не очень хорошо.

– Я могу помочь вам.

– Вы замолвите за меня словечко?

– Уже замолвил, но, очевидно, этого недостаточно.

– Значит, у вас есть другое предложение?

– Да. Вот именно. Я делаю вам предложение.

Его слова, точно гром в ночной тишине, прогремели в ее голове. Что значит – предложение?

Глава 4

Она взглянула на него. Не слишком хороший знак. Она едва заметно покачивала головой, словно проговаривала, стараясь осмыслить, его слова. Он понял, что восторженного согласия не последует.

Морин вдруг стала торопливо, почти неистово оглядывать комнату, надеясь обнаружить в ней Истона и других работников, и, когда она снова повернулась к нему, глаза ее были широко распахнуты.

– Предложение? Что именно вы мне предлагаете?

– Я ничего вам не предлагаю. Я делаю вам предложение.

– Предло...жение? – Она запнулась на середине слова и невольно перешла на шепот. – Мне? То есть вы предлагаете пожениться? Вы и я?

– Предложение! Предложение! – пронзительно закричал попугай по кличке Рэнди, ростом чуть меньше метра, который если не находился в своем вольере, то неизменно наблюдал за людьми, работающими здесь. Попугай вышагивал туда-сюда вдоль жердочки у окна и одним своим присутствием каким-то странным образом успокаивал птиц, попавших сюда из-за травмы.

– Это был бы брак по расчету. Так что да, я предлагаю, чтобы мы с вами поженились. – Это было весьма практичное деловое соглашение, которое могло стать полезным им обоим. Помимо прочего, им чертовски повезло, ведь между ними вспыхнула искра и возникло необыкновенное тепло, которое могло бы превратить этот союз в нечто большее, чем просто договоренность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.